

А. А. Алексеева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

alina.alexeeva@gmail.com

ОБРАЗЫ РЕФЕРЕНДУМОВ В КРЫМУ И ШОТЛАНДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ)

Рассматриваются языковые средства репрезентации образов крымского и шотландского референдумов 2014 г. на материале британских и российских СМИ, методом дискурсивного анализа выявляются и сравниваются признаки этих образов. Образ референдума в Крыму в британских СМИ создается с помощью языковых единиц, в частности метафор и фразеологизмов, выражающих отрицательную нормативную и этическую оценку, а также с помощью антитезы. В результате в британских медиа создается негативный образ крымского референдума, который описывается как незаконное политическое действие, инициированное Россией – агрессивно настроенным государством во главе с президентом, имеющим амбиции захватчика. Образ референдума в Шотландии в российских СМИ создается с помощью метафор с общим значением разрушения, губительного физического воздействия и развода, а также военных метафор, фразеологизмов, слов определенных тематических групп. Шотландский референдум предстает в российских медиа как событие, чреватое пагубными последствиями в экономической, политической и культурной сферах жизни Великобритании, усугубившее раскол внутри британского общества, вызвавшее противоречивую реакцию на него со стороны жителей и политиков Великобритании и стран Запада.

Ключевые слова: политическая лингвистика, дискурс-анализ, образ, британские медиа, российские медиа, референдум, языковые средства репрезентации.

2014 год ознаменовался большим количеством событий международного масштаба, вызвавших общественный резонанс, и в их числе референдумы в Крыму и Шотландии. В данной статье рассматриваются образы этих референдумов, которые создаются в СМИ. Цель работы – выявление признаков этих образов и определение лингвистических средств их репрезентации.

Источником материала послужили тексты различных российских и британских статей, опубликованных на интернет-сайтах, в том числе в электронных версиях газет: «Аргументы и факты», «Вести.Ru», «Взгляд.Ru», «Газета.Ru», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «НТВ.Ru», «Правда.Ru» «РБК», «РИА Новости», «Российская газета», «Русская служба BBC», «Regnum», «RT на русском»; «BBC», «Financial Times», «The Guardian», «The In-

dependent», «The Observer», «The Telegraph», «The Times». Отметим, что образ референдума в Крыму изучался на материале британской прессы, а образ референдума в Шотландии – на материале российской. Разнородность материала объясняется желанием проанализировать «усредненные» образы референдумов, формирующие представления об этих политических событиях в сознании читателей, которые находят информацию из столь же разнообразных источников в сети Интернет. Статьи, привлеченные для анализа, написаны во время референдумов либо непосредственно до или после этих событий.

Образ референдума в Крыму

Наиболее активно актуализирующимся признаком образа крымского референдума

является процедура его проведения. Она описывается в первую очередь с помощью различных языковых единиц с отрицательной нормативной оценкой. Под нормативной оценкой мы вслед за Н. Д. Арутюновой понимаем, в частности, оценку объекта действительности или события с точки зрения соответствия либо несоответствия истине [1999. С. 198]. В результате использования слов с отрицательной нормативной оценкой создается образ нелегитимного референдума и поддельной демократии: *Crimea's referendum was a sham display of democracy* (The Guardian. 17.03.14) 'Крымский референдум был демонстрацией фиктивной демократии', *Sunday's referendum is an illegitimate act by Russia* (Financial Times. 14.03.14) 'Воскресный референдум – это нелегитимный акт России', *Then there's the bigger problem: the referendum seems inconsistent with the Ukrainian constitution* (The Guardian. 14.03.14) 'Есть и более серьезная проблема: кажется, референдум не соответствует украинской конституции', *Ill-equipped Ukrainian defense forces have folded quickly, offering little resistance to the masked intruders demanding their ouster* (The Observer. 29.03.14) 'Плохо снаряженные украинские силы обороны быстро свернули свою деятельность, дав лишь слабый отпор незванным гостям в камуфляже, незаконно требующим выселения', и т. д.

К подобным выводам приходит и А. Б. Бушев, исследующий украинский кризис 2014 г. в освещении мировых медиа [2014. С. 38–39].

С той же целью используются и языковые единицы с отрицательной этической оценкой: *Hardline Russian nationalists have fanned out across Crimea in a campaign of intimidation designed to secure a pro-Moscow vote in Sunday's referendum* (The Telegraph. 29.03.14) 'Бескомпромиссные российские националисты развернули войска веером по всему Крыму в рамках кампании по устрашению, придуманной с целью обеспечения промосковского варианта голосами на воскресном референдуме', *As the number of Russian extremist groups operating in the peninsula has grown, hostility towards Ukrainian journalists and activists has worsened* (The Telegraph. 10.03.14) 'С возрастанием числа российских экстремистских групп на полуострове усилилась враждебность по отношению к украинским журналистам и

активистам', *Suspicious persist that Russia has bribed crowds (and violent gangs) – a tactic frequently used by the Kremlin to curb domestic dissent* (The Guardian. 13.03.14) 'Остаются подозрения, что Россия подкупила толпы (и ожесточенные банды); это тактика, которую Кремль часто использует для обуздания несогласных в России' и др.

Среди языковых единиц, выражающих отрицательную нормативную и этическую оценку, особую категорию формируют метафоры: *we have witnessed a facade of democracy over the fascistic takeover of a slice of Europe* (The Guardian. 17.03.14) 'мы были свидетелями того, как за фасадом демократии скрывался фашистский захват куска Европы', *It is a figleaf for a forced territorial annexation* (Financial Times. 13.03.14) 'Это фиговый лист, прикрывающий вооруженную территориальную аннексию', *Crimea poll will be divorce at gunpoint* (Ibid.) 'Крымское голосование будет разводом под дулом пистолета' и т. д.

Одним из серьезнейших нарушений, по словам британских журналистов, является тот факт, что в бюллетене было только два варианта, которые не могли удовлетворить интересов всех голосовавших. Об этом сказано во многих статьях: *But the referendum did not have an option for those who wanted the constitutional arrangements to remain unchanged* (BBC. 16.03.14) 'Но референдум не предусматривал вариант для тех, кто хотел, чтобы конституционное устройство оставалось неизменным', *The ballot papers themselves offered only two choices - one option of full union with Russia, the other of almost complete independence from the rest of Ukraine* (The Telegraph. 17.03.14) 'Сами по себе бюллетени предлагали только два варианта – либо полностью войти в состав России, либо обрести почти полную независимость от оставшейся части Украины', *The middle way of greater autonomy within Ukraine is not an option* (The Independent. 14.03.14) 'Нельзя выбрать срединный путь большей автономии в составе Украины' и др.

Похожие языковые средства используются при описании отношения других стран к референдуму. В основном транслируется мнение его о незаконности, поэтому используется большое количество языковых единиц с отрицательной нормативной оценкой: *the EU and US condemned it as illegal* (BBC. 16.03.14) 'Европейский союз и США при-

знали его незаконным', *Western powers have dismissed the ballot as unconstitutional and part of an attempt by Moscow to gain spurious legal cover for the annexation of Crimea* (The Independent. 14.03.14) 'Западные державы не признали голосование конституционным и расценили его как попытку Москвы обеспечить себе фальшивое прикрытие законом для аннексии Крыма' и т. д.

Еще одним признаком образа крымского референдума являются его итоги и значение, которые нередко описываются в статьях с помощью разнообразных метафор, а также форм превосходной степени прилагательных, передающих идею масштабности перемен, которые повлек за собой референдум: *one of the biggest changes to borders in Europe since the end of the Cold War* (Ibid.) 'одно из самых больших изменений границ в Европе с конца холодной войны', *A vote to secede to Russia would inflame a crisis that NATO has called Europe's worst since the end of the Cold War* (Ibid.) 'Голосование за вхождение в состав России вызвало (букв. воспламенило) кризис, который НАТО назвало наисерьезнейшим в Европе с конца холодной войны', *Students of world history and geopolitics are likely burning the midnight oil these days, following the exploits of Russian President Vladimir Putin as he redraws the world map with the annexation of Crimea in Ukraine* (The Observer. 26.03.14) 'Студенты, изучающие мировую историю и геополитику, скорее всего, засиживаются допоздна за учебой, следя за подвигами Владимира Путина, который перерисовывает карту мира, отделив Крым от Украины', *The plebiscite has triggered the worst east-west crisis since the Cold War* (Financial Times. 16.03.14) 'Референдум спровоцировал серьезнейший восточно-западный кризис со времен холодной войны' и др.

В британских статьях большое внимание уделяется описанию отношения крымского населения к референдуму. При этом журналисты часто используют антитезу, для того чтобы показать контраст между реакцией этнических русских, с одной стороны, и крымских татар, а также украинцев – с другой: *Ethnic Russians make up a slight majority in Crimea, which was part of the Russian republic within the Soviet Union until 1954. But the minority populations of Tatars and Ukrainians are less enthusiastic about the vote* (The Guardian. 16.03.14) 'Этнические русские со-

ставляют чуть больше половины населения Крыма, который был частью Российской республики в Советском Союзе до 1954 года. Но национальные меньшинства – татары и украинцы – проявляют меньше энтузиазма относительно голосования', *The Tatars' main communal organisation, the Mejlis, has called for a boycott of the poll. <...> But in many polling stations, Russian support ran high* (Financial Times. 16.03.14) 'Главная организация татар – меджлис – призывает к бойкоту голосования. Но на многих избирательных участках сильна российская поддержка' и др.

В ряде статей отношение населения к идее присоединения Крыма к России описывается относительно нейтрально, как констатация факта, посредством приведения цитат: *The overwhelming odds are that a majority, perhaps an overwhelming majority, of the electorate will vote for reunification with Russia*ю Nina Grigorieva and her husband Vasily, both originally from Russia, said they were sick of rule by Ukraine. «Kiev totally neglected Crimea», said Ms Grigorieva. «It used to be a pearl, a flourishing, beautiful place» (The Independent. 14.03.14) 'Очень велика вероятность того, что большинство электората (возможно, подавляющее) проголосует за воссоединение с Россией. Нина Григорьева и ее муж Василий, оба родом из России, сказали, что уже устали от правительства Украины. «Киев совсем забросил Крым, – сказала г-жа Григорьева. – Он был жемужиной, цветущим, красивым местом»' и др.

Однако в других случаях пророссийские настроения голосующих объясняются результатом активной и агрессивной прокремлевской пропаганды: *But in the neighbourhoods of Crimea's Tatar and Ukrainian minorities, the streets were empty – the atmosphere one of deep trepidation* (The Independent. 17.03.14), 'Но в районах поселения татарских и украинских национальных меньшинств Крыма улицы были пустыми – там царила атмосфера сильной тревоги', *it was obvious that the old and poor were the ones most seduced by President Putin's propaganda* (The Guardian. 17.03.14) 'Было очевидно, что на крючок пропаганды Путина попались старики и бедняки' и т. д.

Геополитическая подоплека и планы В. В. Путина описываются британскими политиками не только посредством нейтральных средств языка, но и с помощью образ-

но-экспрессивных единиц, таких как оценочная лексика, фразеологизмы, метафоры и антитеза. Приведем некоторые примеры.

Слова с аксиологической семантикой выражают, как и в предыдущих случаях, в основном отрицательную нормативную и этическую оценку, в некоторых случаях также холическую (общую) отрицательную оценку, показывая В. В. Путина как агрессивно настроенного политика и Россию как страну-захватчицу, нарушающую законы: *the mendacious propaganda campaign the Kremlin is waging* (Financial Times. 13.03.14) ‘лживая пропаганда, которую разворачивает Кремль’, *Russia’s view of secession has its costs, and they are hideous* (The Guardian. 14.03.14) ‘Российский взгляд на проблему перехода власти имеет свою цену, и она ужасна’ и др.

Фразеологизмы при всем своем разнообразии подчеркивают отрицательные стороны кремлевской политики в отношении Украины: *Russia is flexing its military muscle, fearing a threat to its interests in Ukraine* (Financial Times. 03.03.14) ‘Россия разминает свои военные мускулы, угрожая интересам Украины’, *Russia’s government could drag its feet on incorporating Crimea* (Financial Times. 16.03.14) ‘Российское правительство может протянуть со включением Крыма в состав’, *Putin can afford to snub his nose at the sanctions* (The Observer. 26.03.14) ‘Путин может себе позволить воротить нос от санкций’ и т. д.

Для того чтобы подчеркнуть противоречивость референдума, а также действий В. В. Путина, журналисты используют прием антитезы: *It has stubbornly backed President Bashar al-Assad on the principle that Syria’s sovereignty must not be violated. On Ukraine, however, the Kremlin chooses to whistle a different tune* (Financial Times. 13.03.14) ‘Он упрямо поддерживал президента Башара аль-Асада, исходя из того принципа, что суверенитет Сирии не должен нарушаться. Однако на Украине Кремль ведет себя по-другому’, *The referendum that took place in Crimea is both irrelevant and deeply significant. Irrelevant because it has no standing in the law of the country to which it applies, and because it took place while the autonomous region was under military occupation. <...> The referendum is significant, however, because it represents a giant step on the road to Russian annexation, and because it reveals a little more of the nature of*

that country’s president, *Vladimir Putin* (The Guardian. 16.03.14) ‘Референдум, который прошел в Крыму, одновременно нерелевантный и очень важный. Нерелевантный, поскольку он никак не опирается на закон страны, в которой он проводится, и потому что он проходил тогда, когда автономный регион был оккупирован военными <...> Однако референдум важен, потому что является собой гигантский шаг на пути к российской аннексии и потому что он обнаруживает еще больше черт натуры президента этой страны, Владимира Путина’ и т. д.

Образ референдума в Шотландии

В результате исследования статей был выделен ряд признаков образа шотландского референдума. Центральными среди них стали значение и результаты референдума, реакция Англии на происходящие события, реакция других стран на референдум, реакция населения Шотландии, отношения между Англией и Шотландией.

Рассмотрим первый признак этого образа. Референдум в статьях нередко описывается как угроза политической целостности, экономической стабильности и безопасности страны, а также Европейского союза: *Но угроза для монархии, на самом деле, более серьезна. В Букингемском дворце обеспокоены тем, что монархия в Великобритании может быть вергнута в полномасштабный конституционный кризис, если в Шотландии проголосуют за независимость* (Regnum. 9 сент.), *в одиночку Шотландия станет «банановой республикой» в Европе. Начнется бегство инвесторов и резкий спад производства. Запредельных размеров достигнет ее внешний долг, который и без того зашкалил за 120 миллиардов фунтов стерлингов. А каким образом Эдинбургу добиться членства в ЕС? Независимая Шотландия автоматически не останется в Евросоюзе, а для вступления в него по новой нужно согласие всех членов ЕС, что нереально* (Комсомольская правда. 10 сент.), *судьба Соединенного Королевства висела на волоске* (RT на русском. 18 сент.), *Шотландский референдум создает угрозу британскому бренду* (Regnum. 9 сент.), *Шотландский кошмар надвигается на Европу <...> Но на кону гораздо больше, чем единство королевства. На кону судьба ЕС и влияние Запада»* (Правда.Ру. 17 сент.) и т. д.

В приведенных примерах идея негативных последствий референдума передается с помощью эмоционально-оценочных средств выразительности (метафоры *кошмар надвигается*, фразеологизма *висела на волоске*, экспрессивного повтора *на кону*) и средств логической оценки с использованием слов-интенсификаторов: *более серьезная угроза, полномасштабный кризис, резкий спад, запредельные размеры*.

В статьях довольно четко выделяется тематическая группа метафор разрушения и губительного физического воздействия. Многие из этих метафор являются стертыми, однако они все же имеют определенный образный потенциал: *На кону самый успешный союз в истории, разрушение которого поставит под угрозу безопасность людей <...> Независимо от того, какой результат будет у референдума, впереди – трудная работа по консолидации шотландского общества, раскол внутри которого обнаружился в ходе этой кампании* (Русская служба ВВС. 17 сент.), *Британия развалится?* (Комсомольская правда. 10 сент.), *В Великобритании полагают, что разрыв с Шотландией может стать катастрофой, равной потере американских колоний в 1776 году* (Regnum. 9 сент.), *выход Шотландии из состава Великобритании нанес бы удар не только по Соединенному Королевству* (Взгляд.Ру. 20 сент.), *Если так пойдет дальше, не пошатнется ли влияние монархии и в других частях королевства <...>?* (Комсомольская правда. 10 сент.) и т. д.

К ним примыкают и военные метафоры: *Референдум станет более жесткой битвой, чем ожидали некоторые* (Regnum. 9 сент.), *Команда Дэвида Кэмерона, давая сейчас решительный бой, приводит всевозможные аргументы в пользу единой Британии* (Комсомольская правда. 10 сент.) и т. д. Упомянутые тематические группы метафор связаны между собой идеей разрушения. В статьях через образ масштабного разрушения единой системы, давнего союза, стабильного механизма описывается не только потенциальное отделение Шотландии, но и новая система отношений, сложившаяся после референдума, которая требует «латания дыр» и решения многочисленных конфликтов между Шотландией и Англии, а также сепаратистами и сторонниками сохранения состава Великобритании.

Кроме того, в статьях выражается идея политической и экономической неопределенности Великобритании: *Референдум 18 сентября может стать лишь прелюдией к периоду неопределенности, отражающейся на британских рынках* (Regnum. 9 сент.), *До сих пор нет ясности относительно того, каким образом, в случае, если Шотландия выходит из Британии, будет обеспечиваться ее интеграция в евроатлантическую систему* (Правда.Ру. 18 сент.), *На Эдинбург плотно уселось густое облако, так что кроны деревьев напротив моего окна почти не видны. Так и хочется сказать, что будущее Великобритании так же туманно, хотя все-таки в этом политическом уравнении теперь меньше неизвестных* (Русская служба ВВС. 19 сент.) и др. В последнем из приведенных примеров идея неопределенности выражена с помощью сравнения и метафор.

При этом авторы статей обращают внимание на то, что референдум в Шотландии вызовет волну референдумов в Европе: *Но последствия того, что случилось, может произвести эффект домино по всей Европе <...> Прецедент создан не только в Великобритании. На этой неделе на улицах Эдинбурга мелькали не только шотландские флаги – по обмену опытом приехали каталонцы Испании, флорентийцы Италии и борцы за независимость из канадского Квебека* (НТВ.Ру. 22 сент.), *шотландский референдум станет лекалом, образцом на будущее для Каталонии и других европейских регионов <...> Эта попытка <...> будет питательной средой для роста националистических идей в Европе*, (Правда.Ру. 18 сент.), *Если на референдуме в Шотландии 18 сентября победят сторонники независимости, то Европу ожидает цунами новых референдумов* (Московский комсомолец. 17 сент.) и др.

Таким образом, российские журналисты видят в референдуме угрозу политическому устройству, экономической стабильности и культурным традициям Великобритании.

Следующий признак образа референдума в Шотландии – это реакция Англии на происходящие события. Реакция английских политиков описывается через слова *страх* и *давление*, а также их различные синонимы, в том числе и фразеологические. Слова, называющие страх, варьируются, описывая разную его степень, начиная с легкой: *опасения*

королевской семьи растут (Газета.Ru. 9 сент.), Менее чем за две недели до референдума Лондон получил тревожный звонок (РБК. 19 сент.), продолжая средней: Результаты прогноза итогов референдума стали поводом для демонстративного беспокойства Лондона (Regnum. 9 сент.), заканчивая сильной степенью проявления: Королева в ужасе от угрозы ее королевству (Русская служба ВВС. 19 сент.), членам британского кабинета не пришлось бы нервно грызть ногти сегодня ночью (Там же).

В статьях также описывается тактика давления на шотландцев: агрессивная кампания против шотландской независимости (Вести.Ru. 18 сент.), Лондон просит американских союзников оказать военную помощь Британии и внести в «черный список» шотландских лидеров, призывающих к независимости региона <...> И Лондон не пожалеет ни сил, ни военных средств на то, чтобы вернуть мятежные территории под свой контроль (Российская газета. 11 сент.), яростное желание Лондона удержать Шотландию в своем составе (Газета.Ru. 9 сент.) и др.

Нередко реакция британских политиков называется в статьях «тактикой запугивания»: британские политики используют тактику запугивания (Российская газета. 18 сент.), тактика запугивания шотландцев, взятая на вооружение правительством тори (Правда.Ру. 18 сент.) и т. д. Интересно в этом смысле использование прецедентного высказывания: «Очень напоминает классическое мафиозное предложение, от которого невозможно отказаться» (Там же. 17 сент.).

Тем не менее в ряде статей указывается на относительную миролюбивость поведения английских политиков: В заявлениях Кэмерона, в каком бы полемическом запале он их ни делал, нет угроз задушить новообразованное шотландское государство, уничтожить экономически его самостоятельность, не позволить ему политически стать на ноги. Разговор Кэмерона с политическими оппонентами строится исключительно на равных (Российская газета. 11 сент.) и др.

Реакция других стран на референдум в Шотландии тоже описывается через ключевые слова *страх* и *давление*: Госдеп США также опасается, что шотландское «да» придаст смелости России в ее действиях на

Украине и даже ослабит Европу для единого противостояния России (Правда.Ру. 17 сент.), Свою «ложку дегтя» в планы шотландских сепаратистов внесло НАТО, предупредив, что Эдинбургу после отделения придется заново вступать в ряды альянса на общих основаниях (Российская газета. 11 сент.), Евросоюз таким образом дал понять, что не намерен поощрять сепаратистские тенденции на своей территории. То же самое заявили в НАТО (Аргументы и факты. 3 июня) и т. д.

Следующий признак образа референдума – это реакция населения Шотландии на референдум. В статьях отмечается очень большая заинтересованность населения в этом мероприятии: Официальных данных о явке пока нет. Но по прогнозам она должна быть рекордной – около 80 процентов (Вести.Ru. 18 сент.), Он отметил высокую явку на референдуме 18 сентября, добавив, что показатель стал одним из самых высоких на референдумах по всему миру (РБК. 19 сент.) и т. д.

Нередко в статьях описываются эмоции избирателей до, во время и после референдума, причем при описании чувств населения до референдума используются слова тематической группы ‘страх’ либо ‘радость’: Не знаю, кто сегодня ночью в Эдинбурге спал, кроме, разве что, младенцев, которые в силу возраста не интересуются политикой (Русская служба ВВС. 19 сент.), Многие жители Великобритании провели бессонную тревожную ночь (RT на русском. 21 сент.), Сторонники и противники независимости Шотландии вместе отмечают наступление «судьбоносной ночи» – местные бары и рестораны забиты ликующими людьми до отказа (Московский комсомолец. 19 сент.) и др.

При описании реакции населения на результаты референдума используются различные языковые средства, выражающие идеи разочарования и радости: Надежды более миллиона человек рухнули (RT на русском. 21 сент.), Таксист, который вез нас от Холируда в гостиницу, мрачно заявил, что он разочарован шотландцами, и ему стыдно, что они оказались такими трусами. В то же время группа пожилых английских туристов, с которыми я оказалась утром в лифте, радостно улыбалась, и восторженно обсуждала результаты (Русская служба ВВС. 19 сент.) и т. д.

Отношения между Англией и Шотландией в целом характеризуются как напряженные. Потенциальный выход Шотландии из состава Великобритании часто описывается журналистами с помощью метафоры развода, которая представляет собой кальку с английского. Однако в языке-источнике слово *divorce* обозначает не только разрыв семейных отношений, но и разъединение чего-либо вообще, поэтому, возможно, в английском языке образный потенциал этого слово менее ярко выражен, чем в русском. Так, в предложении *Развод по-английски. Шотландия хочет отделиться, забрав британскую нефть* (Аргументы и факты. 3 июня) метафора развода поддерживается также утверждением о том, что Шотландия хочет забрать часть «общего имущества» – британскую нефть. Во фразе *И, наконец, историческая память говорит о том, что шотландцы не любят англичан и что более чем 300-летний барк по расчету надо заканчивать* (Правда.Ру. 17 сент.) не просто выражена идея «развода» двух частей государства, а используется развернутая метафора брака по расчету двух нелюбящих друг друга людей. При этом в статьях отмечается, что «развод будет болезненным».

Для описания взаимоотношений Шотландии и Англии используются и другие метафоры: *Шотландия – регион-донор, при получении независимости правительство очень надеется на доходы от добычи нефти на шельфе и за аренду базы ядерных подводных лодок в Глазго* (Там же), *Независимая Шотландия может решить, что старый порядок Великобритании мертв и похоронен <...> Шотландские националисты презрительно отклонили как угрозы, так и «взятку», предложенную им из Лондона* (Regnum. 9 сент.), *добыча сланцевого газа на морском шельфе принесет Шотландии 300 с лишним миллиардов фунтов стерлингов (почти полтриллиона долларов)! Эта сногшибательная новость стала трамплином для сторонников независимости. Не отдавать же такие деньжищи Лондону?* (Комсомольская правда. 10 сент.) и т. д.

Таким образом, в российских и британских СМИ складываются совершенно разные образы референдумов в Крыму и Шотландии. Референдум в Крыму описывается как незаконное действие, проявление российских имперских замашек и амбиций

В. В. Путина, фасад фальшивой демократии в стране, враждебной по отношению к своему населению и другим государствам. При этом ни западные страны, ни часть населения Крыма не поддерживают референдум, а его сторонники описываются как «жертвы пропаганды» Кремля. Шотландский референдум в российских масс-медиа показан как событие, чреватое своей способностью разрушить целостность страны, обнажившее и усугубившее раскол внутри государства. Жители Шотландии не остались равнодушны к референдуму, проявляли прямо противоположные чувства – от радости и эйфории до страха и разочарования. Английские политики также испытывали страх перед референдумом, в определенной степени оказывали давление на шотландцев, но делали это честными способами. Западные страны в целом не одобряли референдум, испытывали страх перед его результатами, однако всенародное голосование послужило «питательной средой» для роста сепаратистских настроений в Европе.

В перспективе данное исследование можно продолжить, добавив в качестве материала для сравнения статьи российских СМИ о крымском референдуме и британских СМИ – о шотландском. Таким образом, можно будет провести сравнительный анализ эндо- и экзорефлексивного образов.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бушев А. Б. Украинский кризис 2014 года в освещении мировых медиа // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г.) / Под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург, 2014. С. 37–42.

Список источников

Аргументы и факты: <http://www.aif.ru/>
Вести.Ru: <http://www.vesti.ru/>
Взгляд.Ру: <http://www.vz.ru/>
Газета.Ru: <http://www.gazeta.ru/>
Комсомольская правда: <http://www.kp.ru/>
Московский комсомолец: <http://novos.mk.ru/>
НТВ.Ru: <http://www.ntv.ru/>

Правда.Ру: <http://www.pravda.ru/>
РБК: <http://top.rbc.ru/>
РИА Новости: <http://ria.ru/>
Российская газета: <http://www.rg.ru/>
Русская служба BBC:
<http://www.bbc.co.uk/russian>
Regnum: <http://www.regnum.ru/>
RT на русском: <http://russian.rt.com/>
BBC: <http://www.bbc.com/>
Financial Times: <http://www.ft.com/>

The Guardian:
<http://www.theguardian.com/uk>
The Independent:
<http://www.independent.co.uk/>
The Observer: <http://www.theobserver.com/>
The Telegraph: <http://www.telegraph.co.uk/>
The Times: <http://www.thetimes.co.uk/>

Материал поступил в редколлегию 22.12.2014

A. A. Alekseeva

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

alina.alexeeva@gmail.com

IMAGES OF CRIMEAN AND SCOTTISH REFERENDUMS (ON THE MATERIAL OF BRITISH AND RUSSIAN MEDIA)

The article analyzes the linguistic means of representation of the Crimean and Scottish referendums in 2014 on the material of British and Russian media, reveals and compares the characteristics of these images with the help of discourse analysis. The image of the Crimean referendum in British media is formed by the units of language, including metaphors and idioms, that express negative normative and ethical estimation, as well as by antithesis. As a result, British media create the negative image of the Crimean referendum, which is described as an illegal political act initiated by Russia – an aggressive state led by the president, who has annexationist ambitions. The image of the Scottish referendum in Russian media is formed by the metaphors with the general meaning of destruction, pernicious force and divorce, as well as by military metaphors, idioms and words of specific lexical sets. The Scottish referendum is described in Russian media as an event fraught with fatal consequences in economical, political and cultural sectors of Britain, which aggravated the dissent in the British society and produced contradictory reactions of the citizens and politics of Great Britain and Western countries.

Keywords: political linguistics, discourse analysis, image, British media, Russian media, referendum, linguistic means of representation.